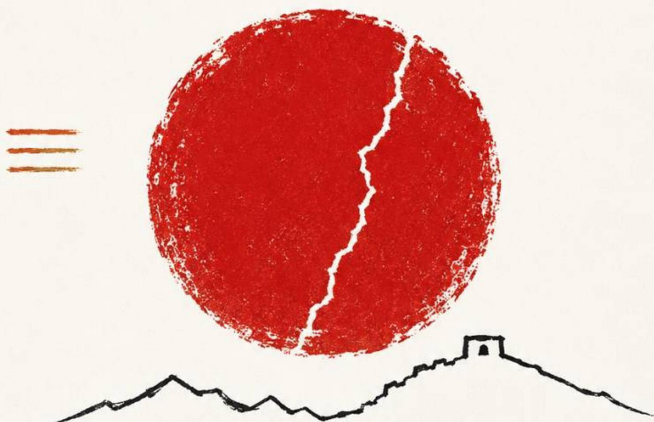

КИТАЙ БЕЗ МИФОВ

30 заблуждений о самой обсуждаемой стране мира

- ~~Едят собак~~
- ~~Видно из космоса~~
- ~~Умеют только копировать~~
- ~~Все на одно лицо~~
- ~~Кризис это возможность~~

Маманазаров Эркинбой

Эркинбой Маманазаров

Мифы о Китае

<https://litres.ru/74534288>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Китайцы едят собак, иероглифов пятьдесят тысяч, Великую стену видно из космоса, а слово кризис значит опасность плюс возможность.» Всё это неправда, и всё это вы слышали на прошлой неделе.

Преподаватель китайского языка разбирает тридцать самых живучих мифов о Китае: от языка и письменности до кухни, истории, экономики и веры. По каждому: как звучит миф, кто придумал его первым, что говорят факты и что в нём всё-таки правда, потому что зерно истины есть почти в каждом.

Здесь нет ни восторга, ни разоблачений. Есть факты, даты, языковой материал и сухой юмор. Вы узнаете, почему китайская грамматика проще французской, откуда на самом деле взялось печенье с предсказанием, кто построил Великую стену и почему треть «фактов» о Китае это просто просроченная правда.

Читается за вечер. После неё вы будете говорить о Китае реже, зато точнее.

При подготовке книги ИИ использовался как вспомогательный инструмент.

Содержание

Введение	4
Глава 1. Китайский язык невозможно выучить	11
Глава 2. Иероглиф это картинка, а письмо это рисование	19
Глава 3. В китайском нет грамматики	27
Глава 4. Иероглифов десятки тысяч, и надо знать все	36
Глава 5. Китайский язык один, просто с диалектами	44
Глава 6. Иероглифы скоро отменят, их убьёт компьютер	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Эркинбой Маманазаров

Мифы о Китае

Введение

Представьте обычное застолье, человек шесть за столом. Кто-то упоминает, что сын пошёл на курсы китайского, и дальше начинается спектакль, который я видел столько раз, что могу подсказывать реплики.

Сначала кто-нибудь сочувственно качает головой: китайский невозможно выучить, там пятьдесят тысяч иероглифов и все надо запомнить. Сосед справа успокаивает: не так страшно, иероглиф это же картинка, надо просто представлять предмет. Третий вспоминает, что грамматики в китайском нет вообще, слова идут подряд, как придётся. Четвёртый произносит про «кризис», который по-китайски состоит из «опасности» и «возможности», и за столом наступает уважительная пауза, потому что мысль красивая. Дальше по расписанию идут собаки, Великая стена, которую видно из космоса, печенье с предсказанием и финальное «ну они же всё копируют».

Двенадцать утверждений за десять минут. Верным среди них окажется одно, в удачный вечер два, и почти наверняка

не те, которые звучали увереннее всего.

Это не значит, что за столом сидят глупые люди. Обычно всё наоборот: это внимательные, начитанные взрослые, которые в своей профессии отличают факт от слуха с полуслова и не поверят на слово ни рекламе, ни знакомому. Но с Китаем срабатывает особый механизм, и прежде чем браться за конкретные заблуждения, стоит разобраться, почему он срабатывает так надёжно.

Причина первая, самая скучная: мы почти никогда не видим Китай своими глазами. Между нами и предметом всегда стоит посредник. Несколько веков это были миссионеры, купцы и посольские чиновники, люди образованные, но приехавшие с готовым вопросом и оттого нашедшие готовый ответ. Иезуиты, жившие при императорском дворе, писали в Европу подробные отчёты, и Европа читала их с восторгом. Просвещение сделало из Китая утопию разумного управления: страна, где чиновников набирают по экзаменам, а не по родству, где философ важнее жреца. Вольтер восхищался. Потом настроение переменилось, и в девятнадцатом веке из тех же примерно сведений собрали противоположную картину: застывшая империя, которая не движется и не меняется, вечное вчера. Ни первая картинка, ни вторая не были враньём. Просто каждая эпоха брала из отчётов то, что ей было нужно для разговора о себе.

Причина вторая: языковой барьер работает как фильтр с очень узкой щелью. О Франции или Италии мы при жела-

нии прочтём хоть местную газету, хоть форум автолюбителей. Китайский текст для большинства закрыт наглухо, поэтому сведения приходят через переводы, а до русского читателя часто через двойной перевод: сначала с китайского на английский, потом с английского на русский. На каждой пересадке что-то теряется, а что-то, наоборот, прибавляется. Особенно охотно прибавляются красивые подробности, которых в оригинале не было.

Причина третья, и вот она главная: Китай меняется быстрее, чем обновляются наши сведения о нём. Огромная часть того, что мы принимаем за миф, это просроченная правда. Кто-то узнал факт, факт был верным, а потом тихо перестал быть верным, но никто не прислал уведомления. «Китайское значит дешёвое» было почти бесспорным утверждением в девяностые годы. «Одна семья, один ребёнок» было законом, но закон отменили десять лет назад, а до отмены он касался далеко не всех. Человек, который повторяет это сегодня, не выдумывает, он просто цитирует справочник, изданный при другой жизни. Дальше вы увидите, что примерно треть мифов в этой книге устроена именно так.

Причина четвёртая арифметическая. Любая фраза, которая начинается со слов «китайцы обычно», описывает примерно каждого шестого жителя планеты. Людей в Китае почти вдвое больше, чем во всей Европе. От Харбина до Гуанчжоу почти три тысячи километров по прямой, и на этих трёх тысячах меняется климат, кухня, бытовая речь, тем-

перамент, отношение к деньгам и к соседям. Харбинец ест пельмени и заедает чесноком, гуанчжоусец начинает утро с чая и корзинок на пару и считает северную еду грубоватой. Любое обобщение о полутора миллиардах человек истинно ровно настолько, насколько истинно обобщение «европейцы едят сыр». Формально да. Практически бесполезно.

Причина пятая неприятная, но её надо назвать. Китай удобен как зеркало. Он достаточно далеко, чтобы говорить о нём что угодно, и достаточно велик, чтобы в нём нашлось подтверждение любому тезису. Хотите поругать нашу расхлябанность, вот вам китайское трудолюбие. Хотите испугаться будущего, вот вам китайские технологии. Хотите успокоиться, вот вам история про то, что они всё равно только копируют.

Одни и те же факты обслуживают взаимоисключающие настроения, потому что нужны они не для понимания Китая, а для разговора о себе. И причина шестая, техническая: красивая история всегда быстрее точной. Про «кризис», который якобы состоит из «опасности» и «возможности», написано огромное количество мотивационных книг, эту мысль произносили с трибун и на корпоративных тренингах, потому что она отлично звучит и легко запоминается. Точное объяснение того, что означает второй знак в слове ## (wēijī, кризис), звучит гораздо хуже: оно требует минуты внимания и не годится для финала выступления. У правды в таких соревнованиях нет шансов, если её никто не защищает.

Теперь о том, чем эта книга не является.

Она не защищает Китай. Я не собираюсь доказывать, что там всё прекрасно, и не буду умиляться цифрам роста. Она и не обличает Китай: список претензий, которые можно предъявить любой большой стране, вы прочтёте где угодно, а здесь другая задача. Политически острых сюжетов я по большей части не касаюсь, а там, где без них не обойтись, излагаю сухо и без оценок, потому что в этой книге разбираются заблуждения, а не позиции. Ещё она не учебник. Здесь не будет системного курса истории и полной грамматики китайского языка. Каждая глава посвящена одному утверждению, которое вы почти наверняка слышали, а может быть, и произносили сами. Устроены главы одинаково. Сначала я показываю, как миф звучит вживую, в реплике или сцене. Потом разбираю его происхождение: у большинства заблуждений есть автор, дата и вполне понятная причина появления. Потом излагаю, как обстоит дело в действительности. И обязательно, в каждой без исключения главе, есть раздел о том, что в мифе правда. Этот раздел для меня важнее остальных. Разоблачать легко и приятно, но почти всякий миф это правда, у которой отвалился контекст. Люди, которые говорят «китайцы много работают», не сошли с ума: они видели что-то настоящее, только описали это неточным словом и распространили на всех. Если выбросить их наблюдение целиком,

мы заменим одну неправду другой, просто с обратным знаком. Поэтому зерно истины я буду называть честно, даже когда оно портит красивую композицию главы.

Несколько технических договорённостей.

Китайские слова я привожу так: сначала знаки, потом чтение латиницей со значками тонов, потом перевод. Выглядит это как ## (wēijī, кризис). Читать латиницу вслух не обязательно, она нужна для тех, кому интересно, как это звучит на самом деле, а не в русской передаче. Там, где я не уверен в точной цифре, дате или имени, я пишу обтекаемо: «по разным оценкам», «к началу двухтысячных». Это не кокетство, а осознанный выбор. Выдуманная точность выглядит убедительнее честной приблизительности, и именно поэтому она опаснее: мифы о Китае размножаются, в частности, через уверенно названные несуществующие цифры. Я стараюсь не добавлять к ним новых. Главы можно читать подряд, а можно вразнобой, открывая ту, которая задевает лично вас. Они связаны, но не зависят друг от друга: если сюжет уже разбирался, я просто отошлю к нужному номеру, а не буду пересказывать заново. Последнее. Прочитав эту книгу, вы не станете специалистом по Китаю, и я на это не претендую. Изменится другое: у вас появится привычка притормаживать в тот момент, когда за столом произносят очередное уверенное утверждение о полутора миллиардах человек. Начнём с

языка. Именно там мифов больше всего, и там же они самые упрямые.

Глава 1. Китайский язык невозможно выучить

Сцена, которую я наблюдал десятки раз. Первое занятие, группа взрослых людей, все пришли добровольно и заплатили деньги. Кто-то обязательно говорит вслух, как бы извиняясь заранее: «Вы только не обижайтесь, но я слышал, что китайский вообще невозможно выучить». Остальные согласно кивают, и в аудитории повисает такое смирение, будто мы собрались не на курс, а на длительное лечение с неясным прогнозом.

Ещё чаще эта фраза звучит там, где никто ничего учить не собирается. За столом, в очереди, в разговоре с коллегой. Она произносится с интонацией окончательного диагноза: китайский невозможно выучить, это язык не для нас, у них там всё устроено принципиально иначе. Дальше обычно следует история про знакомого, который два года учил и бросил, и это считается решающим доводом.

Заблуждение не просто популярно. Оно вшито в русский язык. Мы говорим «китайская грамота» о любой непонятной вещи, и никому не приходит в голову, что за этим выражением стоит какая-то реальность. Похожие обороты есть повсюду. Англичанин про непонятное скажет, что это для него

греческий. Француз скажет, что это китайский. Немец тоже вспомнит китайский. Грек, что особенно приятно, скажет, что это для него звучит по-китайски. Каждый язык выбирает себе символ полной непроницаемости, и китайский лидирует в этом конкурсе с большим отрывом.

В самом Китае для такого случая есть слово ## (tiānshū, небесная книга), то есть письма, которые написаны не для людей и людьми не читаются. Что именно кажется китайцу небесной книгой, зависит от обстоятельств, но чаще всего это чужой почерк и инструкция к бытовой технике.

Откуда взялось убеждение, что китайский непроходим. Тут сошлось несколько обстоятельств, и все они когда-то были уважительными.

Первое: до девятнадцатого века европейцев, знавших китайский, было ничтожно мало, и почти все они были миссионерами. Люди, приезжавшие в Китай проповедовать, действительно учили язык всерьёз, годами, и оставили об этом воспоминания, полные страдания. Их можно понять. У них не было ни учебников, ни словарей в привычном смысле, ни аудиозаписей, ни грамматических описаний, ни преподавателя, который объяснит систему за час. Они восстанавливали устройство языка с нуля, на слух, в чужой стране. Их опыт добросовестно описан и добросовестно ужасен, только к сегодняшнему студенту он относится примерно так же, как опыт первых полярников к перелёту в Мурманск.

Второе обстоятельство: бумажный словарь. До появления

электронных словарей и распознавания рукописного ввода незнакомый иероглиф в тексте был настоящей проблемой. Чтобы узнать значение знака, надо было сначала определить его ключ, потом сосчитать оставшиеся черты, потом найти нужную страницу. Одно слово могло занять несколько минут. Читать так книгу физически невозможно, и целые поколения студентов честно мучились. Сегодня достаточно навести камеру телефона на вывеску. Это изменение размером с изобретение электричества, но в разговорах о трудности китайского его почему-то никто не учитывает.

Третье обстоятельство совсем свежее и вполне научное. Ведомство, которое в США готовит дипломатов, много лет ведёт списки языков по степени трудности для англоязычного студента: сколько примерно аудиторных часов нужно, чтобы выйти на рабочий уровень. Языки вроде испанского и французского попадают в первую, самую лёгкую группу. Китайский оказывается в последней, вместе с японским, корейским и арабским, и часов там требуется порядка двух тысяч с лишним, то есть в три с лишним раза больше. Цифра верная, вывод из неё делают неверный. «Дольше» и «невозможно» это разные слова, и разница между ними принципиальная.

Теперь о том, как обстоит дело.

Главная ошибка в разговорах о трудности китайского в том, что язык обсуждают как единое целое. А он распадается

на три довольно независимые части, и они трудны в совершенно разной степени. Есть произношение, есть грамматика и есть письменность. Из них по-настоящему тяжела одна.

Начнём с грамматики, потому что здесь новичка ждёт приятный сюрприз. Китайский глагол не спрягается. Совсем. Нет ни лица, ни числа, ни времени, ни вида, ни наклонения. ##### (wǒ shì xuéshēng, я студент), ##### (nǐ shì xuéshēng, ты студент), ##### (tā shì xuéshēng, он студент). Слово # (shì, быть) во всех случаях одно и то же. Существительное не склоняется: нет падежей, нет рода, нет согласования прилагательного с существительным. Артиклей тоже нет, и это отдельное облегчение для всякого, кто мучился с ними в английском или немецком.

Время выражается не формой глагола, а обстоятельством и служебными частицами: ##### (zuótiān wǒ qùle Běijīng, вчера я ездил в Пекин). Слово ## (zuótiān, вчера) уже всё сказало, глагол остаётся неизменным.

Числительные и даты устроены с бухгалтерской логичностью. Одиннадцать это ## (shíyī), буквально «десять один». Двадцать один это ### (èrshíyī), буквально «два десять один». Январь это ## (yīyuè), «первый месяц», а понедельник это ### (xīngqīyī), «недели один». Тому, кто помнит французское числительное для девяноста девяти или немецкий порядок цифр в двузначных числах, тут остаётся только завидовать.

Отдельное удовольствие это словообразование. Значи-

тельная часть современной лексики складывается из знаковых кубиков, и смысл нового слова часто угадывается раньше, чем его переведут. # (diàn) это электричество. Отсюда ## (diànhuà, телефон), буквально «электрическая речь», ## (diànnǎo, компьютер), «электрический мозг», ## (diànyǐng, кино), «электрическая тень», ## (diànshì, телевизор), «электрическое видение». Поезд это ## (huǒchē), «огненная повозка», а самолёт ## (fēijī), «летающая машина». Выучив несколько сотен базовых знаков, вы начинаете читать новые слова как ребусы, и довольно часто угадываете.

Теперь произношение. Здесь трудность настоящая, но не та, о которой обычно думают.

Пугают, как правило, тонами. Классический пример действительно выглядит устрашающе: # (mā, мама), # (má, конопля), # (mǎ, лошадь), # (mà, ругать). Один и тот же слог, четыре разных слова, разница только в мелодии. Отсюда делается вывод, что для китайского нужен музыкальный слух, а без него и пробовать нечего.

Вывод неверный, и легче всего это объяснить на русском материале. У нас есть за́мок и замо́к, му́ка и мука́, а́тлас и атла́с. Одни и те же звуки, разный смысл, а различает их ударение, то есть чисто просодическое явление. Никто не считает, что русский язык требует консерваторского образования. Просто мы усваиваем ударение вместе со словом и не думаем о нём отдельно. Тон в китайском ровно того же порядка: это не музыка поверх слова, а часть слова, которую

надо запоминать сразу, как мы запоминаем ударение.

Вдобавок звуковая система китайского на удивление компактна. Слогов в путунхуа, если не считать тоны, чуть больше четырёхсот, а с тонами порядка тысячи трёхсот. Для сравнения: в английском их десятки тысяч, потому что там возможны длинные стечения согласных. Китайский слог устроен просто и почти всегда открыт. Это значит, что набор звуковых форм конечен, обозрим и осваивается за несколько месяцев. Он не безграничен, как английская орфография.

А вот теперь то, что действительно требует времени, и здесь миф подходит ближе всего к реальности. Письменность.

В европейских языках новое слово даётся вам сразу целиком: услышали, поняли, произнесли, записали, прочли. Одно усилие, четыре навыка. В китайском связь между звучанием и записью разорвана. Вы можете прекрасно знать слово на слух, свободно употреблять его в речи и не узнать его на вывеске. И наоборот: понимать текст глазами и не опознать то же слово в беглой речи. Это два параллельных склада, и каждый приходится наполнять отдельно.

Именно отсюда берутся дополнительные две тысячи часов из дипломатического списка. Не из грамматики, которая проще европейской, и не из тонов, которые ставятся за семестр. Из необходимости вести вторую бухгалтерию.

Есть и хорошая новость про форму кривой обучения. Европейский язык обычно начинается легко и тяжелеет: сна-

чала весёлые диалоги, потом сослагательное наклонение, неправильные глаголы, согласование времён, предлоги, которые невозможно объяснить. Китайский устроен наоборот. Первые месяцы тяжёлые: непривычные звуки, тоны, первые сотни знаков, ощущение, что вы двигаетесь по стеклу. А потом становится легче, потому что засады кончаются. Не будет момента, когда на третьем году обучения выяснится, что у глагола есть ещё двенадцать форм, о которых вам не скажали. Их просто нет.

На практике это выглядит так. При регулярных занятиях, скажем час в день, разговор на бытовые темы получается через год-полтора. Первые ступени стандартного экзамена берутся быстро: на начальном уровне требуется порядка полутора сотен слов, на следующем около трёхсот, и это совершенно подъёмно для взрослого человека с работой и семьёй. Проблема девяноста процентов бросивших не в китайском языке. Она в том, что люди учили его рывками, по три часа перед занятием раз в неделю, а такой режим не работает ни с одним языком мира.

**Что в этом мифе правда,
и правды тут прилично.**

Китайский для русскоязычного действительно труднее европейских языков, и не немного, а в разы. Причин три, и все объективные. Первая: нулевая опора. В английском или

итальянском вы с первого дня узнаете сотни слов, потому что латинская лексика проникла и к нам. В китайском знакомых слов нет вообще, каждое приходится ставить на пустое место. Вторая: письменность не подсказывает звучание, и это отнимает годы, которых европейский язык не потребует. Третья: знания по китайскому осыпаются быстрее. Иероглифы, которые вы не видели полгода, тускнеют и перестают узнаваться, и это нормальное явление, знакомое и самим китайцам, которые в эпоху набора текста на телефоне регулярно забывают, как пишется знак от руки.

И ещё одна честная оговорка. Порог свободного чтения художественной литературы и прессы в китайском выше, чем в европейских языках, и до него доходят далеко не все. Совершенно реальна ситуация, когда человек бойко говорит, торгуется на рынке, шутит с таксистом и при этом почти неграмотен. С испанским такое просто невозможно, а с китайским встречается сплошь и рядом. Люди, которые говорят «невозможно выучить», часто имеют в виду именно это: они видели знакомого, который отлично болтает, но не читает меню, и сделали вывод, что язык не поддаётся.

Китайский не невозможен, он долог. Разница в том, что невозможное не зависит от вас, а долгое зависит целиком. Пугаться стоит не тонов и не иероглифов, а собственной привычки заниматься раз в неделю по вдохновению.

Глава 2. Иероглиф это картинка, а письмо это рисование

Сцена в кафе. Компания разглядывает татуировку на предплечье у знакомого: два знака, чёрные, аккуратные. «А что тут написано?» «Сила и мудрость». «Слушай, а как это работает? Это же картинки, да? Вот тут вроде человек, а тут крыша». Дальше все дружно ищут в знаках человечков, крыши, деревья и лодки, и что-то даже находят, потому что при должном воображении найти можно всё.

Второй вариант той же сцены разыгрывается на первом занятии. Студент смотрит на доску и говорит с облегчением: «А, так это же просто картинки. Нарисовал и понятно». Он берёт кисточку с искренним намерением рисовать, и обычно первые полчаса действительно рисует. Потом наступает разочарование, и это разочарование гораздо полезнее исходного восторга.

Убеждение, что иероглиф это стилизованный рисунок предмета, а китайское письмо это своего рода изящное черчение, распространено чрезвычайно широко. Из него вырастает следующий этаж мифологии: раз это картинки, значит, китайцы мыслят образами, а не понятиями, у них другое устройство ума, они видят мир целостно, а мы мелко. Про

это написано огромное количество красивых страниц, и почти все они держатся на одном фактическом допущении, которое неверно.

Откуда взялось.

Первоисточник почтенный. Когда в семнадцатом веке в Европу пошли подробные описания китайской письменности, они попали на подготовленную почву. Европа тогда была увлечена египетскими иероглифами, которые ещё никто не умел читать, и господствовала мысль, что это священные символы, передающие идеи напрямую, без посредничества звука. Заодно интеллектуалы того времени мечтали о всеобщем философском языке, понятном любому народу без перевода. И тут приходят известия: на востоке существует письмо, которым пользуются люди, говорящие на разных наречиях и не понимающие друг друга на слух, но читающие одни и те же книги. Вывод напрашивался сам собой: вот оно, письмо идей, знаки, которые обозначают не слова, а понятия. Идея прижилась и дожила до наших дней, хотя египетскую письменность давно расшифровали и выяснили, что там тоже полно знаков для звуков.

Второй источник ближе и приятнее. Учебники и популярные книжки любят начинать с красивых примеров, и это правильно с педагогической точки зрения. Действительно есть знаки, которые узнаются мгновенно и запоминаются наве-

гда. # (shān, гора) это три пика. # (rì, солнце) это кружок с точкой посередине, выпрямленный до прямоугольника. # (yuè, луна) это серп. # (mù, дерево) это ствол с ветвями и корнями. # (rén, человек) это шагающая фигура, две ноги. # (kǒu, рот) это отверстие. # (mén, дверь) в упрощённом виде это створка на петлях.

Дальше идут знаки посложнее, собранные из этих кубиков, и они тоже радуют. Два дерева рядом это # (lín, роща). Три дерева это # (sēn, лес). Солнце и луна вместе это # (míng, светлый, ясный). Человек, прислонившийся к дереву, это # (xiū, отдыхать). Женщина под крышей это # (ān, спокойствие, мир). Свинья под крышей это # (jiā, дом, семья), и тут студенты обычно смеются, а зря: в древности одомашненная свинья в жилище была признаком не бедности, а оседлого достатка.

Всё это чистая правда, всё это работает, и на этом красивая часть заканчивается. Потому что таких прозрачных знаков в китайской письменности меньше, чем принято думать. Значительно меньше.

Что на самом деле.

Китайская традиция сама давно разобрала свою письменность по типам знаков, и разбор этот сделан не вчера, а около

двух тысяч лет назад, в словаре, составленном при династии Хань. Типов там несколько, но нам для дела хватит четырёх.

Первый тип это изобразительные знаки, те самые картинки: гора, солнце, дерево, рот. Их несколько сотен, они самые древние и самые полезные, потому что из них строится всё остальное. Но самостоятельных слов среди них немного.

Второй тип это указательные знаки, где рисовать нечего, и рисуется отношение. # (shàng, верх) и # (xià, низ) это черта и метка относительно неё. Числа # (yī, один), # (èr, два), # (sān, три) это просто палочки, и на этом везение заканчивается, потому что # (sì, четыре) уже не четыре палочки.

Третий тип это составные смысловые знаки, где два простых сложены в новое значение. Отдых под деревом, женщина под крышей, три дерева как лес, всё это отсюда. Именно этот тип и создаёт впечатление, что письменность целиком построена на образах.

А четвёртый тип это фоноидеогаммы, и вот их подавляющее большинство. По разным подсчётам, от восьмидесяти до девяноста с лишним процентов знаков в современном письме устроены так. И устроены они принципиально иначе, чем принято думать.

Фоноидеогамма состоит из двух частей. Одна намекает на область значения, вторая подсказывает произношение. То есть иероглиф не рисует предмет, он записывает слово, причём с прямой отсылкой к звучанию этого слова.

Пример, который всё расставляет по местам. Возьмём

знак # (mǎ, лошадь), сам по себе древний рисунок гривы и ног. Теперь добавим к нему слева # (nǚ, женщина) и получим # (mā, мама). Никакой лошади в матери нет и не подразумевается. Лошадь здесь стоит исключительно ради звука: мать по-китайски звучит похоже на лошадь. Добавим вместо женщины # (kǒu, рот), точнее два рта, и получим # (mà, ругать), где рот отвечает за смысл, а лошадь опять за звучание. Добавим # (chóng, насекомое) и получим # (mǎ), часть слова «муравей». Схема одна и та же: слева намёк на область, справа подсказка чтения.

Ещё нагляднее с водой. Знак # (shuǐ, вода) в составе других иероглифов принимает сокращённый вид из трёх капель слева. Дальше начинается конструктор. # (hé, река), # (hǎi, море), # (hàn, пот), # (jiǔ, вино), # (xǐ, мыть), # (tāng, суп), # (chí, пруд). Во всех этих знаках левая часть говорит одно: речь о чём-то жидком. Правая часть в большинстве случаев отвечает за произношение и к смыслу отношения не имеет.

Отсюда очень практический вывод. Опытный читатель, встретив незнакомый иероглиф, обычно способен приблизительно угадать не его значение, а его чтение, и заодно предположить, к какой области относится слово. Это ровно противоположно тому, что предполагает миф. Миф обещает, что вы посмотрите на знак и поймёте смысл. Реальность даёт другое: вы посмотрите на знак и с приличной вероятностью догадаетесь, как он звучит.

Теперь про рисование. Иероглиф не рисуют, его пишут, и

это не придирка к словам, а описание процесса.

У каждого знака есть фиксированный набор черт и строгий порядок их написания. Сначала горизонтальная, потом вертикальная. Сначала откидная влево, потом вправо. Сверху вниз, слева направо. Внешняя рамка раньше внутреннего содержимого, а нижняя черта рамки закрывается последней, как крышка коробки. Точка сверху обычно первая, точка справа внизу обычно последняя. Эти правила не украшение и не ритуал: они делают почерк читаемым, позволяют считать число черт для поиска в словаре и, главное, обеспечивают узнаваемость скорописи. Когда китаец пишет быстро, знак превращается в единый росчерк, и опознаётся он именно потому, что рука шла по стандартному маршруту.

Само письмо ближе к почерку, чем к рисунку. Есть уставное письмо, аккуратное и раздельное, есть полускопись, где черты уже сливаются, и есть скоропись, которую человек без подготовки не прочтёт вовсе. Каллиграфия действительно искусство, но и наша каллиграфия искусство, только у нас ей занимаются немногие, а в Китае она веками была обязательным навыком образованного человека и мерилом его качества. Почерк чиновника оценивали на экзамене вместе с содержанием сочинения.

И ещё одно, что окончательно разрушает образ картинок. Иероглифы записывают не понятия вообще, а слова конкретного языка со всей его грамматической мелочью. Есть знаки для служебных частиц, у которых нет и не может быть ника-

кой картинки. # (de) это показатель принадлежности и определения, # (le) указывает на завершённость или изменение состояния, # (ma) превращает предложение в вопрос, # (ne) и # (ba) добавляют оттенки, которые на русский переводятся интонацией. Что тут прикажете рисовать? Эти знаки существуют потому, что письменность обслуживает язык, а не идеи в чистом виде.

Что в мифе правда.

Правды здесь заметно больше, чем в среднем.

Во-первых, изобразительное происхождение реально. Древнейшие известные надписи на костях и панцирях черепах выглядят гораздо картиннее современных знаков, там действительно видны фигурки, животные и предметы. Современный иероглиф это результат многовекового упрощения и выпрямления линий, но родословная у него именно такая. Миф ошибается не в происхождении, а в том, что принимает происхождение за нынешнее устройство.

Во-вторых, смысловая часть знака работает и сегодня. Увидев три капли слева, вы обоснованно предположите, что речь о жидкости. Увидев ключ # (xīn, сердце), заподозрите чувства и мысли. Увидев # (mù, дерево), ожидаете дерево как материал или растение. Это не картинка, но это подсказка,

и она настоящая.

В-третьих, и это самое интересное, письменность действительно отчасти независима от произношения, и это не выдумка европейских философов. Человек из Гуанчжоу и человек из Пекина, говорящие на очень разных языковых формах, читают один и тот же текст. Более того, японец, не знающий китайского, вылавливает смысл из китайской вывески, потому что часть знаков используется и в японском письме, пусть и с другим чтением. Такого фокуса с алфавитом не проделать. Именно эта особенность и породила когда-то мечту о письме идей, и мечта родилась не на пустом месте.

В-четвёртых, красивые составные знаки существуют и работают как мнемоника. Свинья под крышей, женщина под крышей, человек у дерева, всё это честные примеры, а не выдумка учебников. Просто их доля в общем массиве невелика.

Иероглиф это не картинка предмета, а запись слова, и в большинстве случаев в этой записи спрятана подсказка о звучании. Рисование тут ни при чём, зато есть порядок черт, почерк и скоропись. Обидно расставаться с образом мышления образами, но взамен вы получаете инструмент, который действительно помогает читать.

Глава 3. В китайском нет грамматики

Разговор на кухне, второй час. Кто-то узнал, что я преподаю китайский, и радостно сообщает: «Зато у них грамматики нет вообще. Мне рассказывали: слова просто ставишь подряд, и всё. Я моя твоя не понимай, вот вам и весь китайский». Он не издевается, он искренне утешает: раз с иероглифами так тяжело, пусть хоть где-то будет полегче.

Тот же тезис в более культурной упаковке звучит на лекциях по общему языкознанию: китайский изолирующий язык, морфологии нет, значит, грамматика сведена к минимуму. Из этого делают вывод, что учить там нечего, надо просто набрать слов побольше и расставлять их в правильном порядке.

Утешение ложное. Грамматики в китайском ровно столько же, сколько в любом другом языке, просто она лежит не там, где вы привыкли искать.

Откуда взялось.

Причина первая и самая уважительная: путаница между грамматикой и морфологией. В школе нас учили, что грам-

матика это таблицы. Склонение существительных, спряжение глаголов, шесть падежей, три рода, виды и наклонения. Если понимать грамматику так, то в китайском её действительно почти нет. Существительное не изменяется, глагол не изменяется, прилагательное не согласуется, окончаний нет как явления. Открываешь учебник, а таблиц нет. Значит, и грамматики нет.

Но грамматика это не таблицы. Это правила, по которым слова соединяются в осмысленное высказывание. Языки решают эту задачу разными средствами. Одни навешивают на слово окончания, другие ставят служебные слова, третьи жёстко фиксируют порядок. Русский пошёл по первому пути, китайский по второму и третьему. Отсутствие окончаний означает не отсутствие правил, а перенос правил в другое место, и правил этих не меньше, а иногда и больше, потому что расплачиваться за свободу окончаний приходится строгостью всего остального.

Причина вторая историческая. Языкознание девятнадцатого века выстроило языки в иерархию, где вершиной оказались флективные языки индоевропейского типа, то есть, по счастливому совпадению, языки самих исследователей. Языки без словоизменения считались стоящими ниже, ближе к началу пути, а иногда прямо описывались как детские или примитивные. Китайский попадал в эту категорию автоматически. Научная мода давно прошла, оценочные ярлыки отвалились, а осадок в виде «там всё просто» остался и пере-

селится в разговорную речь.

Причина третья домашняя. В самом Китае грамматика как отдельная дисциплина появилась поздно. Классическая китайская филология была великолепной, но занималась другим: толкованием знаков, этимологией, рифмами, комментированием канонов. Синтаксис никто отдельно не описывал, потому что не было такой задачи. Первая систематическая грамматика китайского языка, написанная китайцем, вышла в самом конце девятнадцатого века и была построена по образцу латинской. Автор честно раскладывал китайский материал по латинским полкам, и часть полок предсказуемо пустовала. Отсюда легко было заключить, что и материала нет.

И причина четвёртая, бытовая. Русско-китайский торговый жаргон, который бытовал на границе и в приграничной торговле, действительно был устроен предельно грубо: русские слова, минимум изменений, порядок как получится. Знаменитое «моя твоя не понимай» это не китайский язык и даже не попытка на нём говорить, это упрощённый контактный жаргон, в котором обе стороны отказались от своей грамматики ради скорости сделки. Но фраза осталась в анекдотах и стала для многих образцом того, как говорят китайцы.

Что на самом деле.

Начну с простого опыта. В русском можно сказать «Маша любит Петю», а можно «Петю любит Маша», и смысл не изменится, потому что окончание винительного падежа держит роли на месте. В китайском такой роскоши нет. ### (wǒ ài nǐ) это «я люблю тебя», а ### (nǐ ài wǒ) это «ты любишь меня». Ничего, кроме порядка, эти два предложения не различает. Свобода перестановки, к которой мы привыкли, оплачена окончаниями. Нет окончаний, нет и свободы.

Дальше порядок только ужесточается. обстоятельство времени идёт перед глаголом, а не после: ##### (wǒ míngtiān zài jiā kànshū, я завтра дома буду читать). Сказать «я читаю дома завтра» нельзя, это не стилистическая неловкость, а грамматическая ошибка. обстоятельство места тоже стоит перед глаголом. Наречия вроде # (уё, тоже) и # (dōu, все, оба) жёстко привязаны к позиции непосредственно перед сказуемым, и сдвинуть их некуда.

Определение всегда предшествует определяемому, включая целые придаточные. То, что по-русски идёт после существительного, по-китайски идёт перед ним: ##### (wǒ zuótiān mǎi de shū, книга, которую я вчера купил). Буквально это «мною вчера купленная книга», и служебное слово # (de) держит всю конструкцию. Стоит его забыть, и предложение рассыпается.

Теперь про то, чего в русском нет вовсе. Счётные слова. Нельзя сказать «три книги», не вставив между числом и предметом специальное слово, и слово это выбирается по свойствам предмета. ### (yī běn shū, одна книга), #### (yī zhāng zhuōzi, один стол), ### (yī tiáo yú, одна рыба), ### (yī zhī māo, одна кошка), #### (yī jiàn yīfu, один предмет одежды). Плоское и листовое требует одного слова, длинное и гибкое другого, животные третьего. Таких счётных слов несколько десятков в активном употреблении, у некоторых существительных допустимо два варианта с разным оттенком, а ошибка в выборе режет ухо примерно как неверный род в немецком. Универсальное # (gè) выручает, но постоянное его употребление сразу выдаёт иностранца.

Про время в первой главе уже говорилось: глагол не спрягается. Но из этого не следует, что говорящий свободен. Вместо времени китайский тщательно отмечает вид, то есть характер протекания действия, и делает это набором служебных элементов. # (le) указывает на завершённость или на смену состояния. # (guo) сообщает, что опыт такой был: ##### (wǒ chīguo Běijīng kǎoyā, мне доводилось есть утку по-пекински). # (zhe) обозначает длящееся состояние: ### (tā zhànzhe, он стоит). # (zài) перед глаголом показывает, что действие идёт прямо сейчас: ##### (wǒ zài chīfàn, я как раз ем).

Одно только # способно испортить студенту несколько месяцев жизни, потому что его употребление зависит от того,

что именно вы хотите сообщить. ### (wǒ bù chī) это «я не ем, не буду». #### (wǒ bù chī le) это «я больше не ем, всё, наелся». Разница между этими фразами за столом принципиальная, и держится она на одном служебном слого.

Отрицаний в китайском два, и выбор между ними тоже грамматика. # (bù) отрицает намерение, привычку, свойство, будущее. # (méi) отрицает совершившийся факт и наличие. ### (wǒ bù qù) это «я не пойду». ### (wǒ méi qù) это «я не ходил». Перепутать их значит сказать нечто иное, а не просто сказать коряво.

Дальше начинается то, чего европейский студент обычно вообще не ожидает. Результат действия в китайском выражается отдельным элементом после глагола. # (kàn) это «смотреть», а ## (kànjàn) это «увидеть». # (tīng) это «слушать», а ## (tīngdǒng) это «понять на слух». # (zhǎo) это «искать», а # # (zhǎodào) это «найти». Между усилием и результатом проведена жирная черта, и говорящий обязан выбрать сторону.

К этому пристраивается конструкция возможности: между глаголом и результатом вставляется # (de) или # (bu), и получается «могу» или «не могу» применительно к конкретному действию. ### (kàndedǒng) значит «читаю и понимаю», ### (kànbudǒng) значит «смотрю, но не понимаю». Никакого модального глагола тут нет, работает сама конструкция.

Есть и вещи вовсе экзотические. Конструкция с # (bǎ) выносит объект вперёд глагола и сообщает, что с этим объектом нечто сделали и он изменился: ##### (wǒ bǎ mén guānle,

я закрыл дверь, и она теперь закрыта). Употребляется она не всегда и не с любым глаголом, а по довольно тонким правилам, и это одна из тех тем, на которых спотыкаются даже продвинутые студенты. Есть пассив с # (bèi), обычно с оттенком неприятности: ##### (wǒ de zìxíngchē bèi tōu le, мой велосипед украли). Есть направление движения, которое приклеивается к глаголу и учитывает, где стоит говорящий: ## (jìnlái) это «войти сюда», ## (chūqù) это «выйти отсюда».

И, наконец, есть вещь, которой в наших учебниках нет вообще: китайское предложение часто строится не как «подлежащее и сказуемое», а как «тема и то, что про неё сообщается». ##### (zhè běn shū wǒ kànguo) буквально значит «эта книга, я её читал». Не ошибка, не разговорная вольность, а нормальный, очень частотный способ строить фразу.

Так что грамматика есть. Просто она не в окончаниях, а в порядке, служебных словах, счётных словах, видовых показателях, результативных элементах и структуре высказывания. Список правил ничуть не короче, а некоторые из них тоньше и коварнее наших, потому что не имеют опоры в родном языке.

Что в мифе правда.

Правда в том, что словоизменения действительно почти нет, и это огромное облегчение. Не нужно зубрить парадигмы, не нужно согласовывать прилагательное, не бывает

неправильных глаголов, нет исключений в спряжении, потому что нет спряжения. Форма слова одна и та же во всех позициях, и это экономит месяцы, которые в немецком или испанском уходят на таблицы.

Правда и в том, что начальный этап получается неожиданно быстрым. Через несколько недель человек уже строит правильные простые предложения, и это подлинное ощущение, а не иллюзия. Сравните с первыми неделями любого европейского языка, где на построение той же фразы требуется помнить пять формальных мелочей.

Правда, наконец, и в том, что китайский многое отдаёт на откуп контексту. Подлежащее регулярно опускается, если оно и так понятно. Число существительного чаще всего не выражается: # (shū) это и «книга», и «книги», и уточняется это только при необходимости. Не всякий глагол требует показателя вида, значительная часть фраз обходится без единого служебного слова. Внешне это и правда выглядит как речь без грамматики, особенно если слушать, не понимая.

И ещё одна честная оговорка. Классический письменный язык, на котором написана вся старая литература, устроен ещё более сжато, там опущено почти всё, что можно опустить, и понимание держится на контексте и знании традиции. Человек, заглянувший в такой текст с подстрочником, легко решит, что перед ним набор слов без связи. Связь есть, просто она не проговорена.

Грамматика в китайском не отсутствует, она переехала: из

окончаний в порядок слов и служебные элементы. Учить её проще на старте и заметно труднее в середине пути, когда выясняется, что # ставится не всегда, а # не всегда можно, и объяснить это одним правилом никто не берётся.

Глава 4. Иероглифов десятки тысяч, и надо знать все

Разговор в поезде. Сосед узнаёт, что я преподаю китайский, и первым делом спрашивает цифру: «А сколько там иероглифов?» Я говорю, что в самых полных словарях больше восьмидесяти тысяч. Сосед делает лицо человека, которому подтвердили худшие опасения, и подводит итог: «Ну вот. Всё, вопрос закрыт».

Вопрос при этом даже не был открыт, потому что цифра, которую я назвал, к изучению языка отношения почти не имеет. Но звучит она внушительно и запоминается намертво. В разговорах фигурируют самые разные числа: пятьдесят тысяч, восемьдесят тысяч, сто тысяч. Все они по-своему верны и все одинаково бесполезны, потому что описывают не то, что человек думает.

Откуда взялось.

Источник у мифа честный, это словари. Китайская лексикографическая традиция древняя и на редкость дотошная. Первый большой словарь знаков был составлен около двух тысяч лет назад и содержал примерно девять с половиной тысяч единиц. Каждый следующий словарь включал предыдущий и добавлял к нему всё, что успело появиться, попасть-

ся в старых надписях или встретиться у одного-единственного поэта. К восемнадцатому веку большое императорское собрание насчитывало свыше сорока тысяч знаков. Современные компьютерные своды переваливают за восемьдесят тысяч.

Ключевое слово тут «включал предыдущий». Китайский словарь знаков это не список того, чем пользуются, а инвентарь всего, что когда-либо было написано. Туда входят древние формы, вышедшие из употребления две тысячи лет назад. Варианты написания одного и того же знака, отличающиеся одной чертой. Знаки, встречающиеся в одном древнем тексте и больше нигде. Редкие фамильные знаки, которые носит одна семья в одной провинции. Знаки для местных слов, существующие только в диалектной записи. Химические элементы, придуманные в девятнадцатом веке. Знаки, чьё значение никто уже не может восстановить, и они честно снабжены пометой «значение неизвестно».

Сравнение, которое ставит всё на место. Полный словарь английского языка содержит порядка полумиллиона слов, включая устаревшие и специальные. Значит ли это, что англичанин знает полмиллиона слов? Нет. Образованный носитель распоряжается несколькими десятками тысяч, а в бытовой речи ему хватает пары тысяч. Никого это не пугает, потому что мы понимаем разницу между словарём и человеком. С китайским эта разница почему-то теряется.

Есть и вторая причина, посерьёзнее. Мы бессознательно

приравниваем иероглиф к слову. Раз восемьдесят тысяч знаков, значит, восемьдесят тысяч слов, и все надо выучить по отдельности, потому что подсказки в написании нет. Вот это допущение и есть настоящий источник ужаса, и оно неверно вдвойне.

Что на самом деле.

Начнём с цифр, которые действительно что-то значат.

Государственный список наиболее употребительных знаков современного китайского языка включает порядка трёх с половиной тысяч единиц, разделённых на два уровня: около двух с половиной тысяч самых частотных и около тысячи частотных. Этот список составлялся не по вдохновению, а по подсчётам на больших массивах текстов, и он покрывает практически всё, что печатается в газетах и книгах.

Дальше начинается арифметика, ради которой стоило заводить разговор. Частотность знаков распределена крайне неравномерно. Примерно тысяча самых употребительных знаков покрывает около девяноста процентов обычного текста. Полторы тысячи дают около девяноста пяти процентов. Две с половиной тысячи подбираются к девяноста девяти. Каждая следующая тысяча приносит всё меньше пользы, и после четырёх тысяч прибавка измеряется десятными долями процента.

Практически это значит вот что. Человек, знающий три

тысячи знаков, читает газету, вывески, договор, переписку и современную прозу, спотыкаясь на редких именах собственных и специальных терминах. Не потому, что он выучил всё, а потому, что оставшиеся семьдесят семь тысяч знаков в этих текстах не встречаются. Никогда. Ни разу за всю жизнь читателя.

Носитель языка находится примерно в том же положении, что и вы с русскими словами вроде «камергер» или «ретирада». Выпускник китайской школы уверенно владеет тремя с лишним тысячами знаков. Человек с высшим образованием знает больше, тысяч пять, и часть из них узнаёт, но не напишет от руки. Специалист по древним текстам знает ещё больше, и это его профессия, ровно как знание старославянских форм это профессия филолога, а не общее требование к гражданину.

Теперь про допущение «один знак равен одному слову». Оно неверно, и неверно в очень выгодную для учащегося сторону.

Современный китайский язык преимущественно двусложный. Подавляющее большинство слов состоит из двух знаков, и знаки эти вы уже знаете по отдельности. Это превращает изучение лексики из зубрёжки в комбинаторику.

Возьмём знак # (xué, учиться). Из него растут: ## (xuésēng, ученик), ## (xuéxiào, школа), ## (xuéxí, учиться), ## (dàxué, университет), ## (zhōngxué, средняя школа), ## (xiǎoxué, начальная школа), ## (tóngxué, соученик), ##

(xuēqī, семестр), ## (shùxué, математика), ## (huàxué, химия), ## (wénxué, литература), ## (yīxué, медицина). Один выученный знак раскрывается в десятки слов.

Или # (chē, повозка, машина). ## (qìchē, автомобиль), # (huǒchē, поезд), ### (zìxíngchē, велосипед), ### (chūzūchē, такси), ## (chēzhàn, станция), ## (chēpiào, билет), ### (tíngchēchǎng, парковка). Знак один, слов много, и каждое новое опознаётся почти без усилий.

Особенно наглядно это в терминологии. Русскому студенту-медику приходится отдельно учить латинско-греческие корни, потому что «гастрит» и «желудок» не связаны для него ничем. Китайская терминология в значительной части прозрачна для любого грамотного человека: # (wèi) это желудок, # (yán) это воспаление, вместе получается воспаление желудка. Слово «кислород» это ## (yǎngqì), а «водород» ## (qīngqì), и второй знак в обоих случаях # (qì, газ), так что принадлежность к классу видна сразу.

Отсюда странная на первый взгляд особенность. Китайский тяжело начинать и легко продолжать в части лексики. Первые полторы тысячи знаков даются потом и кровью, потому что каждый приходится ставить на пустое место. После этого рост словаря идёт быстро, потому что новые слова собираются из уже известных деталей, а незнакомый знак встречается всё реже.

Есть ещё один утешительный факт, о котором редко говорят. Знаки состоят не из произвольных линий, а из повторя-

ющихся частей. Ключей, то есть смысловых элементов, около двухсот с небольшим, и они кочуют из знака в знак. Фонетических частей тоже ограниченное число. В результате знак из двенадцати черт запоминается не как двенадцать движений, а как две-три знакомые детали, поставленные рядом. Это разница между запоминанием случайного набора символов и запоминанием слова из знакомых слогов. Первые сто знаков поэтому даются мучительно, а тысячный уже почти не требует усилий: рука и глаз научились видеть структуру.

И последнее по этой части. Норматив стандартного экзамена по китайскому для иностранцев выстроен реалистично. Начальный уровень требует полутора сотен слов, второй около трёхсот, дальше счёт идёт на шестьсот, тысячу двести, две с половиной тысячи. Никаких восьмидесяти тысяч там нет и близко, потому что составители экзамена, в отличие от участников застольных разговоров, знают, чем пользуются живые люди.

Что в мифе правда.

Первое и главное: знаков всё-таки нужно очень много по сравнению с алфавитом. Три тысячи это не тридцать три буквы, и притворяться, будто разницы нет, глупо. Освоение письменности действительно требует нескольких лет регулярной работы, и это тот самый пункт, из-за которого китайский попадает в списки самых трудоёмких языков.

Второе: знаки забываются. Это их отдельное свойство, к которому европейский студент не готов. Слово, записанное буквами, вы восстановите по звучанию даже спустя годы. Иероглиф, который вы не видели полгода, может выпасть целиком, и восстановить его неоткуда, кроме памяти. Поддержание словаря знаков требует постоянного чтения, иначе он тихо осыпается.

Третье, и это уже про самих китайцев: явление, известное как забывание иероглифов при наборе текста. Все давно пишут на телефоне и компьютере, вводя слова по звучанию латиницей и выбирая нужный вариант из списка. Узнавание работает прекрасно, а вот активное написание от руки слабеет. Ситуация, когда взрослый образованный человек вдруг не может вспомнить, как пишется довольно обычный знак, и лезет в телефон, чтобы подсмотреть, совершенно рядовая. Об этом много писали и в самом Китае, и это не паника, а честное наблюдение.

Четвёртое: специализированные области действительно требуют выхода за пределы трёх тысяч. Классическая литература, буддийские тексты, старые документы, географические названия, редкие фамилии, медицинская и техническая терминология тянут за собой знаки, которых в частотных списках нет. Человек, который заявляет, что три тысячи знаков закрывают вообще всё, преувеличивает не меньше того, кто пугает восемьюдесятью тысячами.

Восемьдесят тысяч знаков это опись склада за две тысячи

лет, а не список обязательного к изучению. Работать вы будете с тремя тысячами, и они складываются в десятки тысяч слов, которые не надо учить по отдельности. Трудность китайской письменности реальна, но она в другом: не в количестве, а в том, что выученное надо всё время держать на виду.

Глава 5. Китайский язык один, просто с диалектами

Диалог, который я слышал в аэропорту. Двое соотечественников обсуждают предстоящую поездку. «Ты же в Гуанчжоу летишь? Ну ты там на своём китайском поговори». Второй отвечает уверенно: «Да там то же самое, просто диалект. Как у нас в Вологде окают». Первый удовлетворённо кивает.

Оба искренне считают, что разница между речью Пекина и Гуанчжоу примерно как между московским и вологодским выговором: чуть иначе тянут гласные, пара местных словечек, а так всё понятно. Мысль настолько привычная, что её даже не проверяют. Мы говорим «китайский язык» в единственном числе и добавляем «диалекты» так, как добавляют примечание мелким шрифтом.

Реальность устроена совершенно иначе, и слово «диалект» здесь работает как ловушка.

Откуда взялось.

Причина первая, и она самая честная: так говорят сами китайцы. По-китайски эти формы речи называются ## (fāngyán), буквально «речь местности», и это слово по тради-

ции переводят на русский как «диалект». Перевод формально допустимый, но он тащит за собой все наши представления о том, что такое диалект, а представления эти основаны на русском материале, где диалекты действительно взаимопонятны.

Причина вторая мощнее: единая письменность. Про неё уже шла речь во второй главе. Житель Пекина и житель Гуанчжоу читают одну и ту же газету и одинаково её понимают. Оба пишут одинаковыми знаками. Оба учились в школе по одним учебникам. Со стороны это выглядит как безусловное доказательство языкового единства: ну какие же это разные языки, если книги общие.

Причина третья политическая и культурная. Китай две тысячи лет существовал как единое государство с единой чиновничьей традицией и единым письменным канонem. Идея одного народа, одной культуры и одного языка встроена в самопонимание страны очень глубоко, и в этой рамке говорить о разных языках внутри Китая неудобно. Официальная терминология поэтому всегда предпочитала «диалекты».

И причина четвёртая, наша собственная: мы почти не слышим китайскую речь, кроме путунхуа. Всё, что попадает к нам в виде учебников, курсов, песен и фильмов с дубляжом, это нормативный язык. Разнообразие просто не видно, и предполагать его нет повода.

Что на самом деле.

Начну с цифры, которая обычно производит впечатление. Специалисты выделяют внутри китайского несколько крупных групп, обычно семь или десять в зависимости от классификации. Основные это северная группа, к которой принадлежит путунхуа, а также у, юэ, минь, хакка, гань и сян. Различия между этими группами по степени сопоставимы с различиями между романскими языками. Не между русским и белорусским, а между испанским, французским, итальянским и румынским.

Проверить это можно прямым способом. Носитель путунхуа, никогда не слышавший кантонского, не понимает его вообще. Не с трудом, не через слово, а вообще. Это не преувеличение и не фигура речи: непонимание полное, как при столкновении с иностранным языком. То же самое с миньскими формами речи, которые бытуют в Фуцзяни и на Тайване, и они, к слову, внутри себя тоже распадаются на взаимонепонятные варианты. Житель одного уезда Фуцзяни может не понять жителя соседнего.

Возьмём конкретику. Простое приветствие ## (nǐ hǎo, здравствуй) в путунхуа звучит как «ни хао». По-кантонски те же самые знаки читаются иначе, примерно как «нэй хоу». «Спасибо» это ## (xièxie) в путунхуа и звучит совсем иначе в кантонском, где употребительнее другое выражение благо-

дарности. Числительное «два» в путунхуа # (èr), в кантонском читается похоже на «йи». И это только звучание одинаковых знаков.

Дальше расходится и сама лексика. Обычное слово «есть, кушать» это # (chī) на севере, а в кантонском в этом значении употребляется другой знак, # (шик по звучанию), который в путунхуа выглядит книжным и в живой речи один почти не используется. Кантонский вообще во многом ближе к среднекитайскому языку, чем современный северный: он сохранил конечные согласные и большее число тонов, которых в путунхуа не осталось. Тонов в путунхуа четыре плюс нейтральный, в кантонском их обычно насчитывают шесть, а по другим системам подсчёта девять.

Расходится и грамматика, что для «диалектов» уже совсем странно. Порядок слов в некоторых конструкциях иной, набор служебных частиц другой, счётные слова частично другие. Кантонец скажет фразу, которую северянин не соберёт в осмысленное целое, даже если каждое слово ему по отдельности объяснить.

Теперь про то, чем же тогда является путунхуа. Слово ## # (pǔtōnghuà) буквально значит «общая речь», и это ключ ко всей истории. Путунхуа это нормативный язык, созданный и внедрённый в двадцатом веке на основе северной группы, с опорой на пекинское произношение и на письменную норму, сложившуюся к тому времени. До этого функцию общего языка образованных людей выполняла речь чиновников,

которую европейцы называли мандаринским наречием, но владели ею именно чиновники и грамотные горожане, а не деревня.

Внедряли путунхуа последовательно и долго: через школу, армию, радио, кино, а потом телевидение. Работа шла десятилетиями и была вполне успешной. К настоящему времени, по официальным данным, им владеет подавляющее большинство населения, но здесь важно слово «владеет». Владеет не значит «говорит дома».

Реальная языковая ситуация большинства китайцев двухслойная. В школе, на работе, с приезжими, по телевизору это путунхуа. Дома, с родителями, с соседями, на рынке, в шутке с земляком это местная речь. Житель Шанхая на совещании говорит на путунхуа, а выйдя в коридор с коллегой-шанхайцем, переходит на шанхайский, и северянин рядом сразу перестаёт что-либо понимать. Это не невежливость и не заговор, это обычное переключение регистров, знакомое любому двуязычному человеку.

Отдельная история с Гонконгом и Макао, где кантонский долгое время был и остаётся основным языком повседневности и публичной жизни, со своей эстрадой, своим кино и своими телепередачами. Кантонский широко распространён и среди китайских общин за рубежом, потому что первые волны эмиграции шли главным образом с юга. Именно поэтому многие привычные нам «китайские» слова пришли в европейские языки в южном звучании: скажем, слово «чай»

существует в мире в двух вариантах, идущих от разных китайских форм произношения одного знака, и распределение этих вариантов по странам довольно точно повторяет старые торговые маршруты, сухопутные и морские.

Теперь важная оговорка про письменность, потому что она объясняет живучесть мифа. Единство письма реально, но оно не такое полное, как кажется. Пишут все на нормативном письменном языке, который в основе своей соответствует путунхуа. То есть кантонец пишет не то, что он говорит, а переводит на письменную норму. Записать живую кантонскую речь можно, для этого есть особые знаки, употребляющиеся почти исключительно в Гонконге, но это считается неформальным письмом и в серьёзных текстах не применяется. Аналогия примерно такая: представьте, что все европейские народы говорят на своих языках, а пишут на общей латыни. Читают друг друга без проблем, а услышав друг друга, не понимают ни слова.

Добавлю, что различия существуют и внутри самого путунхуа. Северянин из Харбина, житель Сычуани и тайванец говорят на нормативном языке заметно по-разному: разная мелодика, разное произношение отдельных звуков, разная бытовая лексика. Тайваньский вариант к тому же пользуется полными, неупрощёнными знаками, как и Гонконг с Макао, тогда как на материке с середины двадцатого века приняты упрощённые формы. Знак «страна» на материке пишется # (guó), а в традиционном написании выглядит сложнее, и это

первое, что бросается в глаза при сравнении вывесок.

Что в мифе правда.

Правда, и весьма существенная, в том, что общий язык действительно есть и он действительно общий. Путунхуа знает подавляющее большинство, и путешественник, выучивший его, будет понят в любом городе страны, от Харбина до Куньмина. Это не теория, а бытовая реальность: молодой человек в любой провинции ответит вам на путунхуа без затруднений.

Правда и в том, что единая письменность объединяет по-настоящему. Носители взаимонепонятных форм речи читают одни и те же тексты, учатся по одним книгам, пользуются общим корпусом культуры. Это не мелочь, а очень крупный объединяющий фактор, аналога которому в Европе нет.

Правда и то, что все эти формы речи родственны и происходят из одного источника. Это не разные языковые семьи, это ветви одного дерева, и сходство между ними системное: соответствия звуков регулярны, лексический фонд в значительной части общий, письменные знаки одни и те же. С точки зрения истории языка называть их одним языком с вариантами не абсурдно, вопрос в том, какой критерий считать главным.

Правда и то, что молодое поколение говорит на местных формах речи всё хуже. Школа, телевидение, интернет и пе-

реезды в другие города работают в одну сторону. Родители в крупных городах часто говорят с детьми на путунхуа, потому что так удобнее и, как им кажется, полезнее для будущего. В результате местные формы речи отступают, и в некоторых регионах их поддерживают уже специальными усилиями, через передачи, кружки и записи. Через два-три поколения картина, скорее всего, будет заметно более однородной, чем сегодня, и в этом смысле миф постепенно движется навстречу реальности.

Слово «диалект» здесь обманывает: за ним стоят формы речи, различающиеся сильнее, чем испанский и итальянский. Объединяет их не звучание, а письмо и общий нормативный язык, выученный в школе. Выучив путунхуа, вы будете поняты везде, но не рассчитывайте понимать всё, что говорят вокруг.

Глава 6. Иероглифы скоро отменят, их убьёт компьютер

Реплика, которую я слышу примерно раз в полгода, обычно от человека технического склада: «Ну это же архаика. Как они вообще на компьютере печатают? Наверное, клавиатура с тысячей кнопок. Ясно же, что рано или поздно перейдут на латиницу, просто им жалко расставаться».

Говорится это без всякого высокомерия, скорее с сочувствием: человек искренне полагает, что китайцы застряли с неудобным инструментом и держатся за него из уважения к предкам. Иногда добавляют, что переход уже начался: вон, пиньинь придумали, значит, готовятся.

Миф этот особенно интересен тем, что он не выдуман на пустом месте. Отменить иероглифы действительно собирались, и собирались всерьёз, на государственном уровне, причём сами китайцы. Так что перед нами не фантазия иностранцев, а устаревшее знание о реально существовавшем плане.

Откуда взялось.

Начало двадцатого века в Китае это время жесточайшей самокритики. Империя рухнула, страна отставала, интелли-

генция искала причину и находила её в том числе в письменности. Логика была такая: грамотность в стране ничтожна, потому что письмо слишком сложное, крестьянин не может выучить три тысячи знаков, значит, письмо надо менять, иначе страна не поднимется. Иероглифы прямо называли гирей на ноге нации, и говорили это люди, которые сами блестяще ими владели и любили классическую литературу.

Проекты латинизации разрабатывались один за другим, начиная с двадцатых годов. Существовали конкурирующие системы записи китайского латиницей, у них были сторонники, издания и практические эксперименты. После образования КНР работа продолжилась в организованном виде: была создана комиссия по реформе письменности, и задача формулировалась в три шага. Первый: упростить начертание знаков, чтобы облегчить обучение. Второй: выработать единую систему латинской транскрипции. Третий, конечный: перейти на алфавитное письмо.

Первые два шага выполнили. В пятидесятые годы утвердили список упрощённых знаков, и именно поэтому на материке сегодня пишут # вместо более сложной традиционной формы, # вместо прежнего написания, # вместо створки с многочисленными чертами. Тогда же приняли систему ## (rīnyūīn, буквально «складывание звуков»), ту самую латинскую транскрипцию, которой пользуются и учебники, и словари, и знаки на вокзалах.

А третий шаг не сделали. И вот это самое интересное

место в истории. Отказ от иероглифов не отменяли громко, о нём просто перестали говорить, а потом задача тихо переформулировалась: пиньинь объявили вспомогательным средством для обучения произношению и записи имён, но не заменой письменности. К восьмидесятым годам вопрос был закрыт, и с тех пор никто его всерьёз не поднимал.

Наш миф это застывший снимок середины двадцатого века. Человек, который говорит «скоро отменят», цитирует программу, свёрнутую сорок с лишним лет назад.

Что на самом деле.

Начнём с технической части, потому что она разрушает миф быстрее всего. Клавиатура у китайцев самая обыкновенная, латинская, точно такая же, как у вас. Никаких тысяч кнопок.

Работает это так. Вы набираете слово латиницей по звучанию, и программа предлагает подходящие знаки. Хотите написать ## (Zhōngguó, Китай), набираете «zhongguo» и получаете нужный вариант первым в списке. Более того, современные системы ввода угадывают по началу: набрал «zg», получил «##». Они учитывают контекст, запоминают ваши предпочтения, подставляют целые устойчивые сочетания, подхватывают продолжение фразы.

Результат парадоксальный, но многократно проверенный: скорость набора китайского текста не ниже, а зачастую вы-

ше, чем у алфавитных языков. Причина в плотности. Китайское слово это два знака, то есть два нажатия при использовании сокращённого ввода, тогда как русское или английское слово требует шести-восьми. Плюс мощное предсказание, которое в китайском работает лучше, потому что сочетаемость знаков жёстче, а омонимия снимается контекстом.

Есть и другие способы ввода. Существуют системы, где знак набирается по составляющим его графическим элементам, и профессиональные наборщики достигают на них поразительной скорости, потому что там нет выбора из омонимов. Есть рукописный ввод: пишете пальцем на экране, программа распознаёт. Есть голосовой ввод, который в китайском работает очень прилично.

Теперь про мобильные телефоны, которые, по логике мифа, должны были стать могилой иероглифов. Произошло обратное. Китайская письменность оказалась неожиданно удобной для маленького экрана и коротких сообщений, потому что в один знак упаковано больше смысла, чем в букву. Там, где английская фраза занимает строку, китайская уместается в половину. Сообщение с ограничением по числу символов вмещает по-китайски вдвое больше содержания.

Отдельно стоит упомянуть сетевую культуру, которая расцвела именно на иероглифике. Игра со знаками, каламбуры на основе созвучий, цифровые сокращения, где числа читаются похоже на слова, всё это живой пласт современного языка. Знак # (jǐōng), старый и редчайший, был вытащен из

словарного небытия и превратился в смайлик, потому что напоминает расстроенное лицо. Письменность не отмирает, она обростает новыми игровыми функциями, что для умирающей системы поведение странное.

Теперь о том, почему переход на латиницу невозможен по существу, а не только по традиции. Причина в устройстве самого языка, и она серьёзнее любых культурных соображений.

Китайский слог, как говорилось в первой главе, короткий и простой, а число возможных слогов невелико. Отсюда чудовищная омонимия. Слог «shi» в четвёртом тоне соответствует десяткам разных знаков: # (быть), # (дело), # (город, рынок), # (мир, поколение), # (пробовать), # (смотреть), # (комната), # (образец), и это далеко не всё. В речи омонимия снимается контекстом и тем, что слова в основном двусложные. На письме её снимают знаки.

Уберите знаки, оставьте один пиньинь, и текст станет мучительным для чтения. Не невозможным, но требующим постоянного разбора: что здесь имелось в виду. Особенно пострадают термины, имена, названия, официальные документы и всё, что записано сжато. Прибавьте к этому вторую проблему: единство письма при разноязычии, о котором шла речь в предыдущей главе. Латинская запись автоматически привязывает текст к путунхуа, и общий фонд письменных текстов, доступный всем без исключения, распадается.

И третья потеря, самая обидная. Иероглифическая запись

даёт доступ к текстам двухтысячелетней давности. Не полный и не лёгкий, для чтения классики нужна отдельная подготовка, но связь есть: школьник разбирает стихотворение восьмого века и понимает значительную часть знаков. Переход на алфавит эту связь обрубает.

Есть и живой пример того, как это выглядит на практике. Вьетнам, где веками пользовались китайскими знаками, перешёл на латинскую письменность. Корея почти полностью перешла на собственный алфавит, оставив знаки в церемониальном и уточняющем употреблении. Оба перехода состоялись, оба имели свою логику, и оба сопровождались утратой прямого доступа к старым текстам. Япония сохранила смешанную систему: слоговые азбуки плюс иероглифы, и от иероглифов отказываться не собирается, хотя технически могла бы.

Что до упрощения знаков, тут тоже стоит внести ясность. Реформа пятидесятых упростила примерно две тысячи знаков из общеупотребительного фонда, причём во многих случаях не выдумывала новые формы, а узаконивала скорописные варианты, бытовавшие в рукописях столетиями. Никаких новых волн упрощения с тех пор не было: попытка второго этапа в семидесятые годы провалилась, предложенные формы сочли неудачными, и их отозвали. Нынешняя норма стабильна уже несколько десятилетий.

Что в мифе правда.

Правда первая: планы отмены существовали, и это не слух. Их разрабатывали серьёзные люди, они были частью государственной программы, и в какой-то момент переход на алфавит выглядел делом решённым. Человек, который где-то это прочитал, не выдумывает, он просто не дочитал до конца.

Правда вторая: пиньинь действительно вездесущ. Он на дорожных указателях, в паспортах, в системах ввода, в словарях, в начальной школе, где дети сначала осваивают его, а потом уже знаки. Это полноценная вторая система записи, работающая параллельно основной. Так что латиница в китайской жизни присутствует, просто не в той роли, которую предполагает миф.

Правда третья и вполне реальная: навык письма от руки слабеет. Об этом уже говорилось в четвёртой главе, и явление это признаётся в самом Китае. Узнавание знаков не страдает, а вот способность воспроизвести знак без подсказки падает, особенно у молодых. Компьютер не убил иероглифы, но заметно изменил отношения человека с ними: мы теперь чаще выбираем знак из предложенного списка, чем достаём его из памяти целиком. Люди, говорящие про смерть иероглифов, часто имеют в виду именно это наблюдение, только формулируют его слишком широко.

Правда четвёртая: обучение письменности по-прежнему дорого обходится в школьных часах. Китайский ребёнок тратит на освоение знаков годы, которые его сверстник в стране с алфавитом потратит на что-нибудь другое. Это объективная цена системы, и внутри Китая её никто не отрицает.

Отменить иероглифы собирались всерьёз и передумали. Компьютер, который должен был их добить, оказался их лучшим союзником: набирать китайский текст быстрее, чем русский, а на маленьком экране письменность и вовсе выигрывает по плотности. Ослабел не иероглиф, а рука, отвыкшая его выводить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.